

Алексей ПАРЫГИН

БОГЕМА

(записки художника)

Моя богемная жизнь началась примерно через год после возвращения из славной Советской армии в Ленинград. 27 марта 1986 года я въехал, точнее, просто вошёл в свою первую мастерскую – мансарду поставленного на капитальный ремонт дома № 9 по Литейному проспекту. Классическая по внешнему виду, со скошенными у окон стенами, мансарда – бывшая коммуналка, находилась на шестом этаже наполовину расселённого флигеля во внутреннем (самом дальнем) дворе дома. Аккуратно вскрыв монтировкой двери покинутой хозяевами квартиры и врезав свой замок, я потихоньку обжился, соорудив из фанеры и разных палок простенький стол, и кровать из принесенных ящиков, досок и вещей из ближайших брошенных комнат.

Идею вселения в пустующую квартиру я перенял от своего институтского однокурсника Лёни Кипарисова, оккупировавшего соседнюю мансарду. Он, в свою очередь, освоил подобный способ решения квартирного вопроса, через художника-нонконформиста Евгения Тыкоцкого, будучи короткое время его учеником. Тыкоцкий, как и ещё несколько художников-неформалов, занимал мастерскую в этом же доме, но в первом дворе, ближе к проспекту.

Насколько помню, свершившееся событие мы с Мариной отметили бутылкой болгарского красного вина «Бычья кровь», купленного в ближайшем к дому гастрономе. Густое было вино.

Узкая лестница, шумный, ещё работающий лифт. Тяжелая дверь. Коридор, комнаты, в моём распоряжении их оказалось четыре. Электричества нет, точнее нет света, а электричества слишком много, так что каждая вновь вкрученная лампочка моментально перегорает. Все окна выходят во двор, смотришь – скользишь взглядом по облупившейся стене напротив. Оконные стёкла – блёкло отражающие небо. В комнате витает ленивое облако табачного дыма. Я курю сигареты. По пачке в день. Отопление уже отключили, поэтому воздух, как и все предметы вокруг, слегка отдаёт промозглой сыростью. Особый воздух. Совсем рядом, если перейти через Литейный проспект, возвышается мрачная громада «Большого дома». Плацдарм ленинградского КГБ и по совместительству памятник конструктивизма 1930-х годов. Художники часто шутят про такую близость. Некоторые из них, впрочем, одержимы подозрительностью и почти шепотом, но неопределённо, говорят про стукачей, которые везде есть, и что всё неслучайно. Зато близости была отличная пельменная.

Из мансардных достопримечательностей – отсутствующий унитаз. Кто-то его свинтил, ещё до моего появления в доме. На месте гипотетического фаянса зияет уходящая в бездну дыра, а из кранов раковины течёт исключительно горячая вода. Холодной нет вовсе, чтобы не обжечься, мыться приходится на скорость. С лестницы есть выход на чердак и выше, где ветер и много неба. Покатая, рыжая от ржавчины крыша, сидя на которой я делаю зарисовки уходящих за Неву, до Петропавловской крепости, окрестных ландшафтов.

Я немного меломан. Помню, что в новую мастерскую привёз компактный магнитофон «Sony», бобинный, на котором кроме «The Who», «The Beatles» и «Led Zepplin» был записан ранний «Аквариум». С точки зрения композиционной структуры и впечатлений от звукового строя, англоязычная музыка привлекала меня больше отечественной, особенно «Pink Floyd»: *The Dark Side of the Moon* (1973); *Wish You Were*

Here (1975); *Animals* (1977) и более ранние их диски. Пожалуй, «Pink Floyd» повлиял на направленность моих интересов в искусстве и творческого почерка не меньше, чем живопись Рембрандта, Сезанна или Ван Гога, Моранди или Раушенберга. Скорее, гораздо больше.

В мастерской на Литейном проспекте я рисовал с натуры и сочинял свободные вариации на разные темы. Освоил горячий батик. В формальных сконструированных композициях много экспериментировал с различными красителями и рисующими материалами (от жировых и прочих мелков и акварели в тубах до анилиновых порошков). С большим интересом придумывал и опробовал неклассические приёмы и техники создания изображения. От граттажа до автоматического письма и набрызга.

В сторону опытов и пластических языковых экспериментов меня подталкивали и мои литературные пристрастия. Тогда я читал «Шум и ярость» Уильяма Фолкнера. Используемая автором романа грубая и нелитературная, внешне простая стилистика потока сознания увлекала, приём представлялся крайне современным и точным. Впрочем, такая работа носила несистемный, часто разовый характер проб и опытов. Но в итоге свежего материала набралось на небольшую квартирную выставку, которую я вскоре и устроил на своём новом месте, пригласив на импровизированное открытие друзей-приятелей.

Одним из культурно-значимых мест Ленинграда середины 1980-х годов по праву числился кинотеатр «Спартак», находившейся поблизости на улице Кирочной, 8 – в здании бывшей лютеранской церкви Святой Анны (впоследствии сгоревшей). Сюда мы любили ходить вдвоём с Мариной или компанией по вечерам, смотреть кино из фильмофонда: «Орфей» (1950) и «Завещание Орфея» (1960) Жана Кокто; фильмы Андрея Тарковского – «Солярис» (1972), «Зеркало» (1974), «Сталкер» (1979). Здесь я впервые посмотрел немые архивные фильмы – «Кино-глаз» (1924), «Человек с киноаппаратом» (1929) Дзиги Вертова; сюрреалистический «Андалузский пёс» (1929) Луиса Бунюэля. Прав был классик марксизма, кино, действительно, важнейшее из искусств.

Тем временем, 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС произошел взрыв, предвещающий наступление нового финального для СССР исторического отрезка. Впрочем, об этом тогда мало кто догадывался. Но «ветер перемен», так или иначе, чувствовали все. Насколько я помню, ставшая знаменитой песня Виктора Цоя «Перемен!» первый раз прозвучала в мае 1986 года на концерте очередного фестиваля Ленинградского рок-клуба на Рубинштейна. По иронии судьбы, в мае того же года генсеком Михаилом Горбачёвым во время визита в Ленинград, на встрече с местным партактивом КПСС был впервые озвучен термин «перестройка». События любопытны контрастными сопоставлениями. Верхи не могут, низы не хотят.

В начале мая мы ещё успели шумно, бездумно и весело – прогулками по крыше и карнизам с шампанским, отметить день рождения Марины. Но всему свой срок. Магнитофон вместе с другими хорошими вещами вскоре украли бомжи, взломав двери этой самой мансарды. Дом умирал. Пришлось пуститься на поиски лучшего места (впоследствии, при реконструкции, мансардный этаж был полностью снесён).

Первый опыт жития в расселёнке оказался крайне коротким, но важным, хоть и продлился немногим более двух месяцев. С тех пор моя биография, в том числе личная история, неразрывно связана с мастерскими – пространством личной свободы под хмурым питерским небом.

В пятнадцати минутах ходьбы от мастерской, на Литейном, на углу Невского и Владимирского проспектов находилось кафе «Сайгон», ставшее своего рода центром тусовочного мира Ленинграда. Как-то раз, в конце 1986 года, встретившись в нём за очередной маленькой чашкой двойного крепкого чёрного кофе с моим приятелем Толей Ясинским, мы решили организовать арт-группу, получившую условное название (по первой выставке) «Союз № 0». Не обретшая громкой славы (просуществовавшая до 1989 года), она объединяла носителей различных эстетических устремлений и не имела чёткой

структуры. Главная идея: полная свобода выражения своего мировосприятия, стирание догматов и идеологических границ в искусстве. В неё входили молодые художники, фотографы и поэты, увлечённые русским и европейским авангардом, и любовью к формально-пластическому эксперименту в искусстве. Кроме меня и Ясинского основными участниками проекта числились: Андрей Вермишев, Саша Борков, Костя Кубланов, Саша Федоров. В ряде спонтанных выступлений-перформансов делалась попытка соединения визуального и вербального (поэтического) материала. Было интересно.

Иногда мы путешествовали. С 27 февраля по 2 марта 1987 года небольшой институтской компанией побывали в Вильнюсе, на празднике Казюкас и многолюдной двухдневной ярмарке. Там я продал несколько своих совсем небольших графических работ. Прибалты оценили. Окупил расходы. Ездили поездом, в дешёвом плацкартном вагоне.

В 1987 году образовался сквот «Невский-25». Технически таким же образом, как и мастерская на Литейном проспекте – самозахватом с локальным применением физической силы при посредничестве монтировки. Сохранилась конкретная дата – 13 марта 1987 года, пятница. Никаких коммерческих или иных отношений с местными властями или ЖЭКом у меня принципиально не было. В ежедневнике на странице за этот день зафиксирован занятый перечень предметов первой необходимости, составленный при заселении: спички, мыло, свечи, полотенце, занавески, пробки, лампы, патрон...

Известный многим петербуржцам дом №25 по Невскому проспекту, находящийся на углу с Казанской улицей (в то время ул. Плеханова, 1) неоднократно перестраивался. Только в 1840 году корпус Воронихина (он первый архитектор здания) был надстроен и объединён стилистически единым фасадом с корпусом на Невском проспекте архитектором П. С. Плавовым. Наконец, в 1933 году дом Казанского собора был надстроен четвёртым этажом, сооружённым по проекту архитекторов И. Г. Капцюга и Д. П. Бурюшкина. Именно на этом этаже находилась захваченная мной мансарда, начинавшаяся длинным коридором, от которого в разные стороны отходило девять комнат и кухня. В недалёком прошлом коммунальная квартира № 20 поставленного к тому времени на капремонт, но ещё не полностью расселённого дома. Примерно через месяц к нам с Мариной присоединился Лёня Кипарисов.

Часть окон занятой квартиры выходило в небольшой внутренний двор, часть на Казанский собор, а часть на перспективу Невского проспекта и лютеранскую церковь святых Петра и Павла. В кирхе в то время функционировал бассейн, где я впоследствии регулярно плавал кролем и брасом.

Обустроились мы достаточно быстро. Неброские обои. Дощатый пол. Потолки около четырех метров. В своей комнате, с видом на Дом книги и сквер Казанского собора с густыми кустами сирени, я сконструировал широкую и жёсткую кровать, расположив её посередине комнаты у стены. Напротив неё, закреплённая на деревянных кронштейнах, находилась плоскость небольшого обеденного стола, укрытая полосатой клеёнкой. Чай заваривали кипятивником в литровой банке. Торжество бытового аскетизма.

Слева у окна находился письменный стол, за которым я работал с печатной графикой, как правило, вечерами и ночами. Тогда ночь выступала моим союзником в художественных делах. На стене на булавках висела репродукция с картины «Портрет доктора Феликса Рея» Винсента ван Гога. Широкий подоконник заполняли разномастные ёмкости с краской, шелкографские рамки и, чуть в стороне, жестяная банка-пепельница из-под растворимого кофе Нескафе. Рядом скромно стояло простенькое кресло на тонких металлических ножках. По стенам висели мои холсты с окрестными мотивами.

Сразу за дверью находилась небольшая прихожая, плотно заполненная банками и бутылками. Резервная валюта. Когда вынуждали финансовые обстоятельства, вся стеклотара сдавалась в ближайший пункт приёма посуды, находившийся на другой стороне Невского проспекта. Как-то общий приятель принёс нам на permanent residency

капюшонную крысу, которая обжилась, задорно носилась по всем комнатам и очень неплохо развлекала своими нетривиальными поступками, вроде прогулок по фронтонам и навязчивого желания вступать в тактильный контакт с девушками. Общительное существо.

Светлая, с тремя окнами на Казанский собор соседняя комната, которая по габаритам была значительно больше занятой мной, использовалась как общее рабочее пространство. В ней же я смонтировал перекладину для турника и по утрам делал зарядку. Жизненные ритмы с Лёней у нас не совпадали. Он, как правило, работал в мастерской рано утром, я же во второй половине дня.

В наиболее бурные времена в сквоте одновременно собиралось до двадцати человек и более. Происходило это не часто, в дни, когда неожиданно приезжала большая компания. Объединение не только не имело официального статуса, но являло собой в прямом смысле андеграунд: входные двухстворчатые двери были искусно замаскированы, забиты метровыми листами старой частично проржавленной жести с приколоченными поперёк них дюймовыми досками. Из дерева и железа торчали толстые кривые гвозди (посаженные с обратной стороны на эпоксидную смолу). Все было хорошо продумано, и декорации выглядели убедительно. Справа от дверного косяка свисал непривлекательный провод с двумя оголенными контактами. Надо было замкнуть их, тогда в глубине квартиры раздавался звонок. На случай, если мастерскую покидали все, существовал способ надежно закрывать вход. Для этого использовался прочный и тяжёлый междверный крюк и система рычагов. Дверь открывалась и закрывалась посредством выведенных наружу двух концов троса, привязанных к запору. Показ новому человеку этого механизма в действии всегда производил неизгладимое впечатление.

Попасть внутрь можно было только по рекомендации «своих». Подобные меры являлись неизбежной реакцией художников на неоднократные попытки выселения со стороны местных властей и милиции. Наиболее запоминающейся стала история зимы 1988-1989 годов, когда в течение примерно недели местная милиция совершала регулярные, по пять раз в сутки, проверки помещения и паспортный контроль. Хорошо, впрочем, что сразу не депортировали на Колыму (шутка). Потом нас неожиданно оставили в покое.

Во второй половине 1980-х годов я плотно увлёкся шелкографией. Погрузился в технику. Придумывал небольшие предметные композиции и самостоятельно печатал их маленькими тиражами по разработанной технологии гуашевыми красками. Засиживаясь за рабочим столом часто до глубокой ночи, а то и до рассвета. Такого эмоционального увлечения и азарта к деланию искусства я, пожалуй, потом уже не испытывал. Со временем процесс стал более рациональным, последовательным и осознанным, более цельным и взаимосвязанным.

Параллельно я занимался масляной живописью, сам натягивал и грунтовал холсты, писал городские пленэрные этюды, композиции. Однажды в июне 1989-го провёл у станка в мастерской на Невском проспекте с небольшими перерывами двое суток. Вовсе не спал, стараясь схватить рассветное движение солнца, момент, когда исчезает тишина. Меня занимала передача непостоянства, подвижности среды, воздушная перспектива, влекли идеи французских импрессионистов: Клода Моне, Камиля Писсарро, Альфреда Сислея.

Я тогда многое впитывал, открывал и примерял на себя. Старался не пропускать сколько-нибудь значительных выставок. В марте 1988 года побывал в Эрмитаже на экспозиции «От Делакруа до Матисса. Шедевры французской живописи из музея Метрополитен в Нью-Йорке и художественного института в Чикаго». Как ни странно, обошлось без потрясений. В отличие от июньского похода на «Шедевры живописи XX века из собрания Тиссен-Борнемиса», организованной в Русском музее. Осталось много полезных и интересных впечатлений и наблюдений. В оригинале с работами многих авторов встретился впервые (если перечислять имена – почти все залы). Коллекция субъективно-мотивированная, разноплановая, поэтому оказалась интересна возможность

непосредственного сопоставления европейской, русской и американской живописи XX века за значительный временной диапазон, дающий наглядное представление о динамике художественных процессов. От ранних 1900-х годов в Европе (Василий Кандинский, Пабло Пикассо) до 1960-х годов в США (Ричард Линдер, Роберто Матта, Ричард Эстес). Здесь я впервые «живьем» увидел живопись Сальвадора Дали, о котором как о живом классике сюрреализма (надо заметить, что сам Дали ещё был жив) в СССР тогда много писали и обсуждали в курилках. Небольшой холст «Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения» 1944 года не оставил сколько-нибудь заметных шрамов в моём сознании, любопытно, мастеровито, интересно. Гораздо более питательным представлялось мне тогда европейское искусство 1900–1930-х годов.

Заглядывал я и на проходившие тогда выставки ленинградских авторов, неофициальные и официальные. Часто заходил в Лавку художника на Невском проспекте, 8, через которую с октября 1987 года стал продавать свою малоформатную графику, для чего каждый раз приходилось проходить тесные очереди лосховских выставкомов. В те годы Лавка была одним из редких в городе мест, в котором одновременно представлялся практически весь спектр ленинградского искусства. Немаловажно, что купленные через эту галерею работы могли беспрепятственно вывозиться за рубеж. Основными покупателями Лавки художника были иностранцы.

В процессе общения неизбежно сложился умозрительный список художников старшего поколения, которые были мне интересны. Сразу обратила на себя внимание монохромная печатная графика Гаги Ковенчука (с которым мы потом дружили и делали совместные проекты), выделявшаяся своей образной условностью и простотой приёма с использованием разнообразных текстур. В числе прочих графических листов, которые создавались тогда в городе, мне импонировали цветные литографии Валерия Мишина (с которым дружим до сих пор), отсылавшие одновременно и к лучшим образцам ленинградской школы, и к переосмысленному опыту западноевропейского метафизического реализма. У живописцев меня привлекали фактурные работы Вячеслава Михайлова, Валерия Луки, Глеба Богомолова, некоторых других.

Летом мы с Мариной, как правило, примерно на месяц старались уехать на море. Вторую половину июля – начало августа 1987 года провели в Крыму. В те дни я погрузился в чтение двухтомника Владимира Набокова, недавно разрешенного к публикации в России: «Дар», «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Лолита». Меня увлекли стилистические конструкции писателя, его безупречное владение языком, нюансированность смысловых интонаций при кажущейся простоте сюжетной линии.

Относительно беззаботное, бесшабашное время. Сначала остановились в Феодосии. На следующий день на теплоходе доехали до Судака, в котором, после обхода Генуэзской крепости и прочих достопримечательностей, пришлось заночевать, поскольку мы опоздали на последний обратный рейс. Ночевали на стульях, в холле местной гостиницы. Свободных номеров не было. Ранним утром отправились купаться и отсыпаться под тентом на пляже. Ближе к вечеру пошли пешком вдоль береговой линии в сторону Феодосии, с рюкзаком и подводным ружьем за спиной. Почему пешком? Не помню. Возможно, теплоходы в тот день не ходили. Заход солнца застал нас у горы Хамелеон на мысе Французенка, где я и планировал устроиться спать прямо на берегу, благо тепло. Не случилось, к себе в гости – в палатку – пригласили работавшие неподалёку ученые москвичи, проводившие в море некие полусекретные эксперименты с электричеством, о чём просили никому не сообщать. Утром, несмотря на приглашение погостить несколько дней, отправились дальше.

Шли (кажется, без карты) в основном вдоль берега моря, реже – по дороге. Как обошли Карадагский заповедник – не помню. Но в итоге во второй половине дня добрались до Орджоникидзе, сели на автобус. Дальнейший путь вдоль побережья был невозможен из-за располагавшихся вплотную к морю военных баз. Доехали до Феодосии,

пришли на съемную квартиру, с которой нас тут же выставили. Ночевали на автобусном вокзале. Утром на теплоходе отправились в район Коктебеля – мне там понравилось. Снять жилье у моря не удалось. В итоге поселились в поселке Щебетовка, примерно в четырёх километрах от воды, почти в сарае, крыша которого в дождь нещадно протекала, а на стене висел плакат Софии Ротару. Каждый день «спускались с гор» на пляж. Тогда, в одно из погружений с подводным ружьём, я упустил такого экзотического зверя, как морской петух.

В июле 1988 ездили на Азовское море. В июле – августе 1989 года – на Черное море. Большой компанией стояли лагерем в заповеднике Утриш (Краснодарский край), в ущелье у водопада. Большую часть времени я проводил под водой. В удачный день обеспечивая всю компанию едой на ужин у костра. Крабы, мидии, рыба. Постурбанистические идеи уже тогда блуждали в моём сознании.

Мир стремительно менялся. В 1987 году в широкий обиход входит слово «гласность», происходит незначительное ослабление цензуры. Жизнь становилась всё неожиданнее, всё веселее. В новостях по самому обычному городскому радио то и дело говорили о каких-то чудесах (понимаемых то в прямом, то в переносном смысле). Например, что вечером 28 мая 1987 года на Красной площади в Москве приземлился вылетевший из Гамбурга на лёгком самолёте «Сессна-Скайхок» 18-летний немецкий пилот Матиас Руст. Уникальное событие, ставшее знаковым, мало с чем сравнимое по произведенному на сознание среднестатистического советского человека эффекту.

Начали появляться первые кооперативы, рэкетеры и леденящие плоть криминальные хроники, проходили редкие и немногочисленные пока несанкционированные демонстрации. При этом бессмысленно и беспощадно продолжает набирать обороты антиалкогольная компания. Официально любой алкоголь в городе можно купить только в пятчасовой промежуток с двух дня до семи вечера, что вскоре привело к расцвету подпольной виноторговли, «пьяных углов» – точек, торгующих круглосуточно. Романтика. Как вестник грядущего хаоса, с декабря 1987 года стала регулярно выходить скандально известная новостная программа «600 секунд». Всех интересовал вопрос: что дальше?

На фоне происходивших тектонических изменений во внешней и внутренней политике СССР на западе лавинообразно растёт интерес к советскому андеграунду и, одновременно, к кондовому соцреализму. В Москву и Ленинград специально приезжают дилеры и коллекционеры современного искусства. Большинство продаваемых художниками работ вывозится за границу. Не имея особых претензий к быту, я жил тогда исключительно на деньги от продажи своих работ, которых вполне хватало.

Зимой 1988 года началась моя преподавательская работа. Днём я ходил в институт (4-й курс), вечером, два раза в неделю, учил (среда 18.30 – 20.30, пятница 18.00 – 20.00), ночью занимался живописью и графикой. Оформили меня на полставки руководителем детской изостудии от ДК «Пролетарский», находившейся в районе метро Ломоносовской. Заниматься приходилось в небольшом, тесном помещении с детьми от 5 до 14 лет. В группе числилось около пятнадцати ребят (официальная плата за месяц обучения – 6 руб.). Мне платили 45 рублей в месяц. Первый опыт продлился недолго, и весной всё закончилось по независящим от меня причинам.

Этой же зимой вышел фильм «Асса» Сергея Соловьёва, который мы посмотрели компанией в одном из ближайших к мастерской на Невском проспекте кинотеатров, скорее всего в «Авроре». Честно говоря, не помню точно, какое именно впечатление произвело на меня это кино. Но то, что режиссер сделал удачную ставку на актуальную тему – молодежный андеграунд, было ясно однозначно. Днём же, по радио в передаче для трудящихся «В рабочий полдень» бархатный баритон Муслима Магомаева продолжал прославлять советские идеалы:

Трамвай ползёт среди ночной вселенной,

Вдоль магазинов, скверов и аптек,
И в нем ты тихо дремлешь после смены,
Наш непростой советский человек!

Жизнь наполнялась эстетикой абсурда. 21 марта 1988 года на первом канале ТВ, в студии программы «Взгляд» прошел телемост Киев – Москва с Анатолием Кашпировским, через полтора года, вещая на многомиллионную аудиторию, он провёл пять сеансов психоманипуляции на центральном телевидении. Приди к нам всемогущий, исцели и укажи путь!

На западе вызревает недолгий, но мощный бум на русское искусство, который в большей или меньшей степени коснулся многих художников. Местное арт-сообщество тоже активизировалось.

Например, я был неожиданно удивлен, когда маститый московский критик и искусствовед Александр Каменский в большой статье на выставку «Ленинград, история, люди» написал про мою работу, сделанную уже в новой студии, следующее: они составляют новую поэтику, которая невольно спорит с привычными эстетическими стереотипами. Например, всем нам кажется само собой разумеющимся восторженное преклонение перед классической красотой Петербурга-Ленинграда, его гармонией и державным величием. И на этой выставке встречаются вариации подобного образного строя. Но вот висит «Ночной Невский» А. Парыгина. Грубо-шершавая фактура, темная бездна. Во мраке вспыхивают тревожные огни, они порождают резкое душевное напряжение. Ни о каком царственном величии городского ландшафта и не помышляешь – оно не то чтобы отбрасывается или отрицается, но уходит куда-то за кулисы, уступая место драматизму современного мироощущения (Каменский А. Что значит быть современным? Ответ на этот вопрос ищут молодые художники // Правда. 1988, 9 сентября).

Радикально и быстро менялся и геополитический рельеф. 15 мая 1988 года из Афганистана начался вывод советских войск, завершившийся в феврале 1989 года. О полном открытии своих границ 11 сентября 1989 года объявило правительство Венгрии. В ноябре 1989 года Берлинская стена, символ противостояния Востока и Запада, фактически прекратила своё существование. 22 декабря немецкие власти открыли Бранденбургские ворота, окончательно ликвидировав границу между ГДР и ФРГ. Вскоре разрушили, снесли и саму стену.

Примерно в это же время Михаил Горбачев, после встречи с Джорджем Бушем (старшим), публично заявил об окончании холодной войны. 25 декабря, после короткого судебного разбирательства, вместе с женой был расстрелян генсек Румынской компартии Николае Чаушеску. Под самый новый год, 29 декабря 1989 года президентом Чехословакии стал Вацлав Гавел, известный писатель и диссидент. 11 марта 1990 года Литва принимает акт о независимости, первая союзная республика, заявившая о выходе из состава СССР. Еще через пару месяцев о своём отделении заявили Латвия и Эстония.

Подобные новости быстро становились всеобщим достоянием. Каждый день. Осенью 1988 года в СССР прекратили глушить «вражеские голоса». «Голос Америки». «Радио Свобода». Многие люди ходили по улицам с миниатюрными радиоприёмниками. Слушали, как старый мир трещит и рвётся по всем швам.

Под окнами нашего дома тоже происходили многочисленные исторические свершения: выступления, демонстрации, митинги, шествия. Например, 12 марта 1989 года ОМОН разогнал протестную акцию Демократического союза, проводившуюся у колонн Казанского собора. Двое членов союза, взобравшись на памятник Кутузову, подняли российский трехцветный флаг. Это был вызов. Их, конечно, скрутили, но потом отпустили.

Пока я ходил в институт, вопрос о неформальной необходимости высшего образования посещал меня не раз и не два. Не могу сказать, что меня во всем устраивала

та система обучения. Скорее, не устраивала. Школа базировалась на устаревших принципах, была идеологизирована и косноязычна. Доминирование скучных и банальных идей, адаптированного к запросам времени гибрида социалистического реализма и академизма в задачах и решении образов никто не отменял. Впрочем, мне удавалось с ней сосуществовать. Меня не восхваляли, но, как правило, и не уничтожали. В основном я работал так, как хотел. Меня интересовала большая условность и декоративность в трактовке природы, чем та, которая поощрялась, значимость напряженных цветовых отношений, простота и ясность, лаконизм языка.

Работал я много, но для себя. Постоянно писал с природы, рисовал. Ходил на этюды. Приёмов работы с материалом у своих педагогов не перенимал. Старался определить собственные пластические формулы и идеи. Не всегда удачно, но настойчиво. К этому времени, пережив увлечение импрессионистами и постимпрессионистами, я уже неплохо знал и ценил композиционные решения Поля Сезанна, представлял в общих чертах историю абстрактного искусства. В своей мастерской экспериментировал с техникой и фактурами, материалами основы (фанера, холст, дерево, стекло). Увлёкся живописным рельефом, используя гипс и левкас, элементы коллажа и ассамбляжа.

В июне я заканчиваю пятый и последний курс института, защитив диплом по кафедре графики серией малоформатных цветных натюрмортов, выполненных в технике авторской шелкографии. Окончательно наступило время свободных художеств. Осенью, пройдя формальную процедуру приёма (с рекомендациями и общей выставкой), вступаю в нестройные ряды молодежной секции при ЛОСХе, которая вскоре приказала долго жить и самораспустилась.

За три года существования мастерской «Невский-25» в её работе приняло участие более ста человек: художники, поэты, философы, коллекционеры и просто любители искусства. Приезжали музыканты из Киева, фотографы из Прибалтики, художники из Армении, собиратели живописи и студенты из США, Германии и других стран. Наиболее насыщенными событиями стали 1988-1989 годы. Меня тогда увлекли эксперименты со звукозаписью шумовой музыки, фонетика городской утробы. О существовании в прошлом футуриста Луиджи Руссо и его манифеста «Искусство шумов» (1913) я ещё не знал.

Зимой, по средам, в мастерской устраивались поэтические чтения и диспуты по современному искусству, сопровождавшиеся употреблением вина вначале и черного чая в завершение. Издавались бесцензурные литературные сборники и отдельные малотиражные книжки.

Склонный к мистификациям, Лёня Кипарисов с 1987 года с собственными иллюстрациями выпускал альманах «Котоводство и кошколовство», расхваливший в машинописных копиях с иронически-шутливыми текстами: «Философия и коты», «Что такое время релаксации котов и как его определять?», «Кошка – сухопутный электрический скат» и т.д. Кипарисовым же летом 1989 года была организована большая групповая выставка с замысловатым названием «Антарктида» (участвовали Леонид Кипарисов, Алексей Парыгин, Владимир Иосифов и другие). В 1988–1990 годы выставки регулярно проводились как на территории мастерской, так и за её пределами.

В этом же году я начал делать малотиражные (5-6 экземпляров) авторские книги, со своими собственными поэтическими текстами, все работы в которых, от макета до тиража, проделывал в одиночку: «Песок» (1989), «Цветные звуки» (1989), «Зеленая книга» (1989), «Моя мансарда» (1990). Во второй половине 1990 года был выпущен состоящий из тридцати двух стихотворений самиздатовский поэтический сборник «Невский-25», который задумывался (включая отбор текстов) и делался мной. Сборник состоит из текстов Алексея Парыгина, Андрея Вермишева, Анатолия Лукхитяна, Альберта Разумца, Дмитрия Стрижова и Сергея Фирсова, написанных в 1987–1990 годах. Работа по отбору материалов началась в 1989 году в мастерской «Невский-25», закончена в конце 1990 года, уже в другой мастерской, на ул. Чайковского, 20. Все тексты отпечатаны самими

авторами на пишущих машинках (на разной бумаге), под копирку в несколько экземпляров.

Продолжают происходить глобальные изменения. Страна наполняется оружием с ликвидируемых военных объектов. Все хотят независимости и полной свободы. В республиках лавинообразно растет число межнациональных конфликтов. О чем регулярно сообщают в новостях. Одними из первых стали начавшиеся в 1988 году армяно-азербайджанские столкновения за обладание Нагорным Карабахом; затем произошли кровавые события в Ферганской долине (1989 г.); погромы в Средней Азии и на Кавказе; межэтнические стычки в Киргизии между киргизами и узбеками и т.д.

Постепенно жилых квартир и официальных квартирантов в нашем доме становилось всё меньше и меньше. Стали появляться бомжи. Однажды, проснувшись утром и отправившись умываться, одного такого субъекта я обнаружил у себя в коридоре. Он влез через окно (форточник). Тогда случилась очередная уголовная амнистия «...в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции» (указ от 18.06.1987). Выставил его. Дом постепенно пустел. В последнюю зиму центральное паровое отопление совсем не работало, тепло давали несколько постоянно включенных электрических обогревателей и электроплитка. Пару раз наш коридор заливало потоками горячей воды. Магистральные трубы отопления проходят сверху, по чердаку. Заглушки и вентили делались из цветных металлов, которые свинчивали залётные мазурики. Естественно, что все конфликтные и проблемные вопросы приходилось решались своими силами.

«Невский-25» закончил своё существование в июне 1990 года, через полгода после отключения всех коммуникаций и полного расселения дома, пережив потопа, нашествие бомжей и крупный пожар в соседней квартире зимой 1990 года. Все входы в подъезды и подходы к дому были наглухо замурованы строителями. Некоторые из крупноформатных предметов и работ вынужденно пришлось бросить. Впрочем, это была не самая последняя моя авантюра с мастерской в расселяемом доме.